

МЕДИЦИНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СВЯТОЙ ХИРУРГ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА АРХИЕПИСКОПА ЛУКИ

— Борис Кольмагин —

Медицинский бестселлер (АСТ)

Борис Колымагин

**Святой хирург. Жизнь и
судьба архиепископа Луки**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Колымагин Б.

Святой хирург. Жизнь и судьба архиепископа Луки /
Б. Колымагин — «Издательство АСТ», 2018 — (Медицинский
бестселлер (АСТ))

ISBN 978-5-17-108202-4

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причисленный Русской православной церковью к лику святых, был человеком необыкновенным. Хирург с мировым именем, лауреат Сталинской премии, чей бронзовый бюст был прижизненно установлен в галерее выдающихся хирургов в Институте скорой помощи им. Н.В. Склифосовского в Москве, многие годы провел в тюрьмах и ссылках за исповедание веры. Долгие годы ему удавалось совмещать церковное служение с научной деятельностью и врачебной практикой. Новая книга о святом хирурге Бориса Колымагина построена на уникальных архивных материалах, ставших только в последние годы доступными исследователям.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-108202-4

© Колымагин Б., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Введение	6
I. Детство. Отрочество. Юность	9
II. Тяжелые времена	12
III. Ташкент – город хлебный	18
IV. Тюрьмы и ссылки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Борис Колымагин
Святой хирург. Сталинской
премии архиепископ

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Введение

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), причисленный Русской православной церковью к лику святых, был человеком необыкновенным.

Хирург с мировым именем, лауреат Сталинской премии, чей бронзовый бюст был прижизненно установлен в галерее выдающихся хирургов в Институте скорой помощи им. Н.В. Склифосовского в Москве, многие годы провел в тюрьмах и ссылках за исповедание веры. Долгие годы ему удавалось совмещать церковное служение с научной деятельностью и врачебной практикой. Такое случается нечасто. Вспомним, что митрополит Антоний (Блум), когда выбрал духовную стезю, оставил врачебную деятельность. И большинство медиков, вступивших в клир, поступают так же.

Святитель отстаивал духовные и культурные ценности в эпоху, когда само слово «духовность» звучало как синоним «мракобесия». Своим жизненным примером он показывал, что молитва и аскетика сочетаются с активным социальным служением. В годы господства агрессивной идеологии он проповедовал терпимость. Но при этом хорошо понимал, что всякая терпимость имеет свои жестко очерченные границы.

Люди его времени были скупее на слова и художественные жесты, потому что и то и другое несло смерть. Они были проще, намного проще, даже чем шестидесятники. Но они были цельными – в горе и радости, в несении креста.

О свт. Луке написано немало монографий и статей, сняты фильмы. Однако интерес к его фигуре не ослабевает. Уникальные архивные материалы, ставшие только в последние годы доступными исследователям, позволяют более рельефно увидеть его образ, почувствовать особенность атмосферы ушедшей эпохи (1). Именно эти документы и легли в основу многих глав нашего издания. В то же время автор постарался не отходить от сложившейся иконографии. Не потому, что в жизни героя не было эпизодов, позволяющих выстраивать самые неожиданные предположения по самым неожиданным поводам, а потому, что точно написанный канонический образ отражает внутреннюю правду, сокровенного человека. И это гораздо ценнее. Хотя чисто житейские коллизии, о коих свидетельствуют новые документы, также вошли в повествование.

В нашей книге немало цитат, она – своеобразный коллаж, слепленный из разных документов, смонтированный из самых разноплановых источников. Здесь можно встретить и фрагменты записей самого Войно-Ясенецкого, и воспоминания близко знавших его людей, и мысли историков, биографов, публицистов.

В первой главе рассказывается о жизни Валентина Феликсовича Ясенецкого-Войно (до 1930 г. его фамилия писалась так) до революции, о его учебе, о медицинской деятельности, о вступлении в брак. Следующие главы посвящены 1920–1930-м годам: проживание в Ташкенте, принятие врачом сана священника, а потом и епископа. Тюрьмы и ссылки. Медицинская практика.

Затем говорится о первой половине 1940-х годов, служении в Красноярске и Тамбове. Профессор-архиерей помогает раненым в эвакогоспиталях, читает лекции, занимается научной работой. В повествовании о служении святителя на Тамбовской кафедре используются недавно рассекреченные документы, еще не введенные в научный оборот. Свт. Лука в этот момент является интеллектуальным центром Московской патриархии, генератором многих идей и начинаний.

Далее повествование продолжается описанием служения свт. Луки в Крыму (1946–1961). Рассказом о научной работе и о тех трудностях, с которыми врачу пришлось столкнуться. Говорится о колебаниях церковно-государственных отношений: от сравнительно ровных в первое послевоенное десятилетие до жестких во времена хрущевских гонений. Автор анализирует

подход архипастыря к важным и сегодня вопросам. В частности, поднимаются темы «Лука и еврейский вопрос», «Церковь и секс», «Церковь и политика». Автор также разбирает антропологические взгляды свт. Луки в контексте современной философии и богословия, размышляет о его проповеднической деятельности.

Рассказ о жизни православного Крыма в 1940–1950-е годы дополнен рассказом о жизни других религиозных объединений полуострова в эти годы: иудеев, караимов, протестантов, старообрядцев. Рассказывается о попытках свт. Луки установить общение между верующими, найти приемлемые формы диалога.

В эпилоге говорится о значении образа святителя для современного человека, о проблеме почитания новомучеников.

Хочется сразу признаться: в работе существует определенная тенденция. Автор постарался вывести за скобки все сказочное, «чудесное», которое сопутствует рассказам о святом хирурге.

Сейчас мы видим, что «чудомания» становится для некоторых православных администраторов одним из способов оживления церковной жизни. «Вот чудеса крещенской воды, Благодатного огня, мощей святых – приходите и пользуйтесь», – как бы призывают они. Такой «утилитарный» подход часто не позволяет людям увидеть реальные лица новомучеников. Читая сомнительные с точки зрения подлинности рассказы о совершенных ими чудесах, они начинают видеть в них персонажей сказок братьев Гримм и Шарля Перро. А то и ждут от святых немедленной помощи, относятся к ним, по сути, как к языческим божествам.

Еще отец Александр Шмеман писал, что если бы в мире было столько видимых чудес, то просто непонятно, как все еще существуют неверующие. Евангелие отрицает чудо как «причину веры», как доказательство бытия Божьего. Христос остался прежде всего в образе нищего, гонимого, бездомного человека. И когда Он воскрес из мертвых, то ни ученики, ни женщины, пришедшие ко гробу, не узнавали Его иначе, как верой, каким-то внутренним, таинственным, а не нашим «объективным» знанием.

А вместе с тем Писание полно чудес: исцелений, видений и тому подобного. Как же согласовать эту несомненную «чудесность» христианской веры с отрицанием ею чуда как простого доказательства?

Отвечая на этот вопрос, Шмеман замечает, что сам мир, сама жизнь есть чудо, в которую никогда не устанет вникать, которой никогда не перестанет удивляться и восхищаться человек. Христос творил чудеса потому, что любил, жалел, сострадал.

«Чудеса без любви – обман и самообман, и их действительно нужно и можно отвергнуть. Но любовь есть чудо, и это чудо открывает нам чудесные возможности, не увидеть и не признать которые – значит ничего не увидеть и не понять на земле», – утверждает, может быть, несколько пафосно о. Александр (2).

Святость XX века – это прежде всего ежедневное мученичество. Но одновременно и свет воскресения, полнота жизни, ее цельность. Крестоношение неотделимо от пасхальной радости, от неба на земле.

Святитель Лука любил Бога и людей и литургисал не только во время богослужения, но и за операционным столом. Порой у архипастыря не было храма, где бы он мог молиться и служить. Но он служил людям именно в христианском контексте. Однажды, когда он хотел покаяться в том, что слишком много времени уделяет медицине, то услышал внутри себя как бы голос свыше: «В этом не кайся». Лука был скорее практиком, чем богословом. И известное его теологическое сочинение «Дух, душа и тело» имеет главным образом миссионерское значение. Он не стремился богословски осмыслить свой жизненный опыт. Но то, что Лука делал в силу сложившихся обстоятельств – служил людям, внутренне молился за них, не имея возможности совершить эту молитву публично, подолгу не спал, не ел, – сближает его с матерью Марией

(Скобцовой), святой русской эмиграции. И позволяет говорить, что они дали нам некое новое восприятие границ Церкви, некое новое представление об аскезе и монашеском подвиге.

Мать Мария, спасая голодных русских эмигрантов и евреев в захваченном немцами Париже, размышляла о православной социальной работе. Она считала, что, служа людям, мы служим Богу. А раз так, то Церковь осуществляется не только в храме, но и в больнице, в местах лишения свободы, везде, где человек помогает другому человеку. Мать Мария (как заметила одна исследовательница) говорит о внехрамовой литургии, о помощи, которая дает людям возможность преодолеть социальную разобщенность, о действиях, претворяющих смерть в Церковь (3).

В ситуации, когда Бог скрылся из мира, помощь ближним превратилась в церковное событие.

Святитель-хирург шел тесным путем, не боялся пойти против течения, мог высказаться довольно резко по поводу внешних и внутренних церковных проблем, и даже собратья-архипастыри его не всегда понимали. Но его любовь к Богу и людям творила чудеса.

Архиепископа Луку внесли в церковные святцы в 2000 году. Этой чести удостоились далеко не все подвижники веры и благочестия. «Канонизация, – писал историк Георгий Федотов, – не означает определения небесной славы подвижника, но обращается к земной Церкви... Церковная канонизация, акт, обращенный к земной Церкви, руководится религиозно-педагогическими, иногда национально-политическими мотивами» (4). Важно, что сам институт святости служил как бы цементом нравственного здания общества, идеалом, который одновременно и формировал его духовную культуру, и формировался ею. Даже с этой, предельно узкой, земной точки зрения очевидно, что институт этот не может быть заменен ничем другим.

Конечно, сегодня его значение по сравнению с дореволюционным временем сильно упало, но и сейчас он оказывает определенное общественное воздействие. Вот и имя святого Луки собирает вокруг себя врачей, людей науки и культуры, простых прихожан. Это собрание выражается в конференциях, паломнических поездках по местам его служения, делах милосердия. Несмотря на то что между врачом-архиереем и современными верующими лежит целая эпоха, он остается наиболее близким нам по времени святым. Мы еще не настолько оторвались от советского космоса, чтобы забыть о нем. Мы можем встретиться с родственниками святителя, пообщаться с людьми, пострадавшими в советское время за веру. У многих россиян есть родные, которые также были репрессированы: кто-то погиб, кто-то отсидел «срока огромные».

Трудно об этом вспоминать. Но необходимо. Потому что есть вещи, которые, как заметил в одной из проповедей свящ. Георгий Кочетков, уходят в память Бога, в вечную память и забвение которых принесет новые беды (5).

Святитель Лука помогает нам как раз вернуться назад – без злобы, без ложного пафоса, без нигилизма. Вспомнить русский холокост, прекративший существование российской цивилизации. Увидеть страшную антропологическую яму на месте человека. И в то же время он говорит о пути выхода, показывает, что во времена куда более трудные, чем нынешние, можно оставаться внутренне свободным, достойно жить и действовать – умно и ответственно. Показывает, что сила Божия в немощи совершается и что, стяжав Дух мирный, действительно можно спасти вокруг себя тысячи.

І. Детство. Отрочество. Юность

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в Крыму, в Керчи, 27 апреля 1877 года в семье аптекаря. Он был третьим из пятерых детей. У Валентина было два брата и две сестры. Его отец, Феликс Станиславович, происходил из старинного дворянского рода, представители которого служили при дворе польских и литовских королей. Однако род обеднел. Будущий архиепископ Лука во время допросов в советских застенках дал сам оценку своему происхождению: «Так как упоминание о моем дворянском происхождении придает неблагоприятную окраску моей личности, то я должен разъяснить, что отец мой, дворянин, в юности жил в курной избе белорусской деревни и ходил в лаптях. Получив звание провизора, он лишь два года имел свою аптеку, а потом до старости был служащим транспортного общества. Никакой собственности он, как и я, не имел» (1).

В 1889 году семья перебирается в Киев, и Феликс Станиславович становится госслужащим. Согласно рассказу внучатой племянницы свт. Луки, Майи Прозоровской, Войно-Ясенецкие жили в просторном 12-комнатном доме в центре города, на Крещатике. Феликс Станиславович очень хорошо зарабатывал – приносил домой толстые пачки червонцев. А распорядилась всем в доме его жена, Мария Дмитриевна, очень властная по характеру. Благотворительностью она занималась постоянно, а в большие праздники под ее руководством снаряжались целые подводы, развозившие все необходимое тем, кто нуждался (2).

Религиозная атмосфера в семье имела свою специфику. Отец Луки был ревностным католиком. Он часто посещал костел, подолгу молился. Мать, Мария Дмитриевна (до замужества Кудрина), придерживалась православной традиции, но в храм не ходила, молилась дома. «Причиной этого было ее возмущение жадностью и ссорами священников, происходившими на ее глазах», – замечает в мемуарах, уже на склоне лет, архиепископ Лука (3).

Братья святителя, ставшие после окончания университета юристами, отошли от религии довольно быстро. Старшая сестра-курсистка пережила тяжелое психическое расстройство и ни во что не верила; младшая, любимица матери Виктория, сохранила свою детскую веру. Удалось ее сберечь и Валентину, но ему пришлось пройти через полосу испытаний.

Юноша не бросался из одной крайности в другую. Не переживал, как тот же киевлянин Николай Бердяев, бурного увлечения материализмом. Но увлекся «толстовством». На формирование мировоззрения Валентина в старших классах гимназии заметное влияние оказал брат Владимир – студент юридического факультета. В студенческой среде тех лет народнические идеи имели широкое распространение. Хождению в народ интеллигентов способствовали и книги Л.Н. Толстого. Валентин стал подражать великому писателю: спал на полу на ковре, а летом уезжал на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами, не отставая от них. Он даже написал 30 октября 1897 года письмо графу с просьбой повлиять на свою мать. «Она говорит, что видит, что я иду по той же дороге, как сестра, что я начитался Евангелия и Ваших книг и, превратно понимая их, дойду тоже до сумасшествия», – жалуется он. И признается: «Меня слишком тянет любоваться живыми людьми и учиться у них. И вот теперь я знаю, что в деревнях люди голодают и мне нужно ехать к ним, чтоб помочь, поучиться у них» (4).

Валентин хотел приехать к писателю и жить под его присмотром. И это его желание можно понять. В жизни, наверное, каждого человека бывают моменты, когда хочется вернуться в детство, найти «нового отца» – мудрого учителя жизни. Толстой ответил молодому человеку, и этот ответ долгое время хранился у будущего епископа, но, к сожалению, пропал во время одного из обысков.

Творчество Л.Н. Толстого неотделимо от России, от миллионов людей, души которых он преобразил. Он сказал много важного и ценного в отношении богатства, милосердия, доброты. Гениальность Толстого – дар Божий. И он принес многие достойные плоды этого дара. Не будем

забывать и о том, что резкие антиправославные высказывания писателя отчасти были обусловлены недостатками исторической Церкви, дефектами российской «государственной церковности» накануне своей катастрофы.

Валентина привлекало в Толстом именно это желание жить по правде. Его притягивал искренний голос по-своему религиозного человека.

«В толстовском учении соблазняет радикальный призыв к совершенству, к совершенному исполнению закона добра», – признавал Николай Бердяев. И тут же добавлял: «Но это толстовское совершенство потому так истребительно, так нигилистично, так враждебно всем ценностям, так несовместимо с каким бы то ни было творчеством, что это совершенство – безблагодатное» (5).

После знакомства с изданной в Великобритании брошюрой графа «В чем моя вера?» интерес к учению Толстого у юного Валентина стал падать. Читая Толстого, он одновременно вчитывался в Писание. Благо, что под рукой у него всегда был Новый Завет, подаренный ему директором гимназии при получении аттестата зрелости. И сердце сделало свой выбор.

Одновременно с учебой в гимназии Валентин учился и в Киевском художественном училище. Родители давно заметили природную склонность мальчика к рисованию и в 13 лет отдали его в руки опытных педагогов. Учителя выделяли художественные способности Валентина.

Особенно давались ему зарисовки с натуры. Он делает много зарисовок молящихся людей, богомольцев Киево-Печерской лавры. «Повсюду: на улицах и в трамваях, на площадях и базарах – я наблюдал все ярко выраженные черты лиц, фигур, движений и по возвращении домой все это зарисовывал», – вспоминал Войно-Ясенецкий (6). Художественные дарования и успехи Валентина были настолько значительны, что устроители одной из передвижных выставок пригласили его к участию. Валентин сам выбрал для экспозиции одну небольшую картину, на которой запечатлел нищего старика с протянутой рукой и глазами, полными горя.

Интерес к живописи был у юноши достаточно сильным. И по окончании гимназии Валентин решил поступать в Петербургскую академию художеств. Но заколебался. «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей. Из Академии я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет с тем, чтобы позже перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам и ярко выраженный интерес к наукам гуманитарным, в особенности к богословию, философии, истории. Поэтому я предпочел поступить на юридический факультет и в течение года с интересом изучал историю и философию права, политическую экономию и римское право», – рассказывает архипастырь (7).

Он совершает то, что позже сделает мать Мария (Скобцова) в эмигрантском Париже, – идет к униженным и нуждающимся, чтобы утвердилось правда Божия. Но путь этот, как мы видим, имел зигзаги.

О святителе Луке можно говорить как о правдолюбце уже по первым сознательным его шагам. Он как бы следует еще не прозвучавшему в то время призыву Александра Блока идти «туда, где униженье, где грязь, и мрак, и нищета». Можно о нем говорить и как о праведном судье. Не случайно на третьем курсе Киевского университета товарищи избрали его старостой курса. Произошло это после такого инцидента: в пылу ссоры студент-поляк ударил по щеке студента-еврея. Ясенецкий-Войно вступился за оскорбленного сокурсника, встал на сторону слабого и защитил.

Перед тем как попасть в аудитории Киевского университета, Валентин совершил поездку в Мюнхен. Любовь к живописи привела его в частную школу профессора Книрра, но здесь он долго не задержался. Живопись уже его не грела. По возвращении в мать городов русских

юноша отправился к директору народных училищ с просьбой устроить его в сельскую школу. Директор, оценивший народнические настроения посетителя, все же убедил его поступить на медицинский факультет.

И Валентин, преодолевая отвращение к естественным наукам, стал студентом (8). Во время учебы, к слову, он понял, что художественный дар дан ему для анатомических рисунков.

Войно-Ясенецкий в момент выбора между творчеством и медициной отдал предпочтение последней. Когда перед ним стоял выбор между медициной как наукой и практикой, он решил лечить людей. Валентину хотелось «быть полезным для крестьян». По замечанию одного современного публициста: «Он много лет, оставаясь вполне верующим, не ходил в церковь и на склоне лет спокойно объяснял это тем, что у земского врача воскресные и праздничные дни самые занятые» (9).

Осенью 1903 года Валентин оканчивает университет, собирается стать земским врачом, но грянула Русско-японская война. И вот молодой выпускник весной 1904 года в составе отряда Красного Креста едет добровольцем на Дальний Восток. В Чите, где разместился отряд, Ясенецкий-Войно становится заведующим хирургическим отделением. И сразу же начинает оперировать на костях, суставах и черепе.

Жизнь в Чите продолжалась около года, и незадолго до окончания войны молодой врач женится на Анне Васильевне Ланской. Дочь управляющего помещьем на Украине, она приехала с тем же отрядом Красного Креста. «Она покорила меня не столько своей красотой, сколько исключительной добротой и кротостью характера. Там два врача просили ее руки, но она дала обет девства. Выйдя за меня замуж, она нарушила этот обет, и в ночь перед нашим венчанием в церкви, построенной декабристами, она молилась перед иконой Спасителя, и вдруг ей показалось, что Христос отвернул Свой лик и образ Его исчез из киота. Это было, по-видимому, напоминанием об ее обете, и за нарушение его Господь тяжело наказал ее невыносимой, патологической ревностью», – пишет святитель (10).

Нарушение обета, данного Богу, многие духовники считают смертным грехом. Но нет такого греха, который нельзя было бы принести к подножию Креста Господня.

II. Тяжелые времена

В 1905 году молодые переехали в небольшой городок Ардатов Симбирской губернии. В ведении Ясенецкого-Войно оказалась больница на тридцать пять коек. Работы было много, и молодой хирург выбился из сил. Решил найти больницу поменьше, и вскоре семья перебралась в село Верхний Любаз Фатежского уезда Курской губернии. Здесь Валентин Феликсович начал изучение тончайших нервов и впоследствии изобрел новый метод анестезии, принесший ему мировую известность. Именно он открыл местный наркоз и спас тысячи людей от гибели из-за ошибок анестезиологов. В условиях бедной земской больницы талантливый хирург делал операции на сердце и почках, которых в России тогда практически не знали, и уникальные глазные операции. Проснувшись как-то утром, доктор увидел направляющуюся к его дому вереницу слепых, державшихся друг за друга. Их собрал со всей округи нищий, которого Ясенецкий-Войно исцелил от слепоты. Так он отблагодарил спасителя.

В 1906 году хирург пишет прошение ограничить прием хотя бы 60 больными в день. Ведь ему ежедневно приходится принимать от 100 до 140 человек в течение 15 часов в больнице, а потом еще осматривать пациентов дома. При этом он занят строительством любажской больницы и пишет научные статьи. Вскоре слава и наплыв пациентов из других губерний делают работу в Любаже невыносимой, и доктора переводят в Фатеж. Здесь за 3 года работы он проводит более 1500 сложных операций.

Жизненные обстоятельства кардинально изменились в 1908 году. Молодой врач не пришел на вызов к заболевшему чиновнику, отказываясь покидать тяжелого больного. За это его уволили и вынудили покинуть Фатежский уезд. В 1907 году у молодой четы родился сын Михаил, а осенью 1908 года, в те самые дни, когда разыгрался скандал, появилась на свет дочь Елена. «Должность акушерки, – замечает Войно-Ясенецкий, – мне пришлось исполнять самому» (1).

На первых порах семья перебралась на Украину, в Золотоношу. Там нашлось место амбулаторного врача. Но вскоре Ясенецкий-Войно принимает решение отправиться в Москву для работы над диссертацией, оставив жену и детей у родных.

В Москве он приходит к крупному ученому, основателю журнала «Хирургия» Петру Ивановичу Дьяконову и выражает желание работать в его клинике. Получив разрешение, Валентин Феликсович напряженно трудится, собирает диссертационный материал по теме «Регионарная (то есть «местная») анестезия». Свои исследования он продолжает в Институте топографической анатомии и оперативной хирургии, которым руководит председатель Московского хирургического общества профессор Фридрих (Федор) Александрович Рейн.

В земских больницах молодому хирургу приходилось сталкиваться с проблемами обезболивания при операциях. Бывали случаи тяжелых осложнений после применения общего наркоза, и врач ищет новые пути анестезии. Книга немецкого хирурга Генриха Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения» стала для него источником вдохновения и толчком к собственным разработкам. Несколько месяцев он препарировал трупы, оттачивая методы и технику местного обезболивания.

Регионарная анестезия по Генриху Брауну предполагает точное попадание иглой с новокаином в необходимый при данной операции нервный ствол. Но этот метод оказался не так прост. Далеко не ко всем нервным стволам существуют удобные подходы. Местная анестезия потребовала от хирургов глубокого знания топографической анатомии, знания того, где и как проходят нервы, ведающие чувствительностью определенных участков тела. Ясенецкий-Войно искал и находил все новые и новые подступы к нервным стволам, анестезия которых позволяла сразу обезболить большую поверхность тела. Он изобретает прием, с помощью которого можно подобраться с иглой к седалищному нерву при выходе из таза, один укол – и вся нога теряет

чувствительность. В дальнейшем он пришел к открытию, что одна инъекция в так называемый средний нерв позволяет обезболить целую кисть руки. Третье открытие пришло после того, как ученый промерил 300 человеческих черепов, в результате стало ясно, где удобнее всего вводить новокаин и алкоголь в тройничный нерв (2).

О том, как относился Ясенецкий-Войно к своей работе, говорит его письмо к жене: «Из Москвы не хочу уезжать, прежде чем не возьму от нее того, что нужно мне: знаний и умения научно работать. Я по обыкновению не знаю меры в работе и уже сильно переутомился... А работа предстоит большая: для диссертации надо изучить французский язык и прочесть около пятисот работ на французском и немецком языках. Кроме того, много работать придется над докторскими экзаменами... Во всяком случае, стать доктором медицины нельзя раньше, чем к январю 1910 года, если все это время быть свободным от всяких других занятий. Зато потом будет мне широкая дорога...» (3).

Докторскую диссертацию Валентин Феликсович защитил не в 1910-м, а шестью годами позже, в 1916-м: жизнь вносила свои коррективы. В Москве ученый пробыл только восемь месяцев и вынужден был снова переключиться на деятельность земского врача – семья нуждалась в средствах.

Впрочем, своих исследований он не оставил. И во время ежегодных месячных отпусков приезжал в Белокаменную, работал в Институте Рейна и на кафедре описательной анатомии Московского университета у профессора Петра Ивановича Карузина. К слову, последний бальзамировал тело В.И. Ленина.

В 1908–1909 годах в журнале «Хирургия» появляются первые научные работы молодого ученого. Всего за первые двенадцать лет своей хирургической деятельности будущий архипастырь опубликовал девятнадцать из сорока двух своих научных работ (4).

В 1915 году в Северной столице увидела свет книга Ясенецкого-Войно «Региональная анестезия», вышедшая тиражом 750 экземпляров. Интересно, что иллюстрации к монографии были выполнены самим автором: так его художественный дар послужил науке. Эта книга была представлена к защите как диссертация. 30 апреля 1916 года состоялось публичное заседание медицинского факультета Московского университета, и В.Ф. Ясенецкий-Войно получил ученую степень доктора медицины.

Известный московский хирург А.В. Мартынов в диссертационном отзыве сделал вывод, что работа ученого является первым отечественным руководством по регионарной анестезии.

Первая монография Ясенецкого-Войно имела в качестве адресата и ученое сообщество, и практикующих врачей. В книге не только обстоятельно описывались способы местной анестезии, но и давались сведения из нормальной и топографической анатомии (то есть науки, изучающей послойное строение анатомических областей). После знакомства с работой можно было практически выполнить целый ряд хирургических действий (5). Врачи-практики заинтересовались изданием, и тираж был моментально раскуплен. Но из-за этого произошел курьез: автору не удалось получить денежный эквивалент одной из престижных премий.

Это была премия имени Адама Хойнацкого, присужденная Ясенецкому-Войно советом Варшавского университета за лучшую научную работу в области медицины по итогам 1916 года. Однако, став лауреатом, хирург не смог представить в Варшаву определенное количество экземпляров книги и денег (900 рублей золотом) не получил.

После восьмимесячного пребывания в Москве Валентин Феликсович оказался в тисках безденежья. Чтобы содержать семью, он вернулся к практической хирургии и поехал в село Романовку Балашовского уезда Саратовской губернии. Полтора года работал здесь в больнице на двадцать пять коек. В тесноте, духоте и шуме вел прием больных, делал сложные операции. В 1909 году хирург провел их 292. В начале следующего года операционная нагрузка увеличилась. В Романовке у Ясенецких-Войно родился третий ребенок – Алексей. Родился с неболь-

шим приключением. Перед самыми родами хирурга вызвали на заседание Санитарного совета, он сильно задержался. Но, к счастью, в дом заехала женщина-врач, и роды прошли успешно.

В ноябре 1910 года Валентин Феликсович принял предложение из Переславля-Залеского, отправился работать в уездную больницу.

В древнем городе он провел шесть с половиной лет. Здесь родился его последний ребенок – младший сын Валентин. Семья снимала пять комнат в большом деревянном доме помещицы Лилеевой. Мебель была простенькая, много книг – их присылали по почте. Жили уединенно – Валентин Феликсович занимался научной работой или проводил операции. Софья Дмитриевна хлопотала по хозяйству, воспитывала детей.

Иногда в гости к ней «попить чайку» заглядывала игуменья Феодоровского монастыря Олимпиада. А так особых посетителей не было, хотя Ясенецкий-Войно сдружился с некоторыми врачами: с семьей Михневичей, с Анной Петровной Альбицкой. Вместе с ними жила горничная Лиза, которая вскоре забеременела.

День у врача был расписан по минутам. Завтрак в восемь. В половине девятого больничный кучер подавал экипаж. Ехать до больницы недалеко, чуть больше километра. Но Валентин-Феликсович прихватывал с собой карточки с немецкими и французскими словами и учил их в дороге. Обедать возвращался домой к пяти часам. «Обедаем вместе, но отец и тут остается молчаливым, чаще всего читает за столом книгу. Мать старается не отвлекать его. Она тоже не слишком многоречива», – вспоминает старший сын Михаил (6). И снова работа: днем, вечером, ночью. В больницу приходят крестьяне со всего уезда. Кого-то копытом ударила лошадь в лицо, кто-то с воза упал, кто-то в праздник получил колом по голове. Врач делает сложнейшие операции на желчных путях, желудке, селезенке и даже на головном мозге. Прекрасно владея техникой глазных операций, он возвращает зрение многим ослепшим людям. В 1912 году Валентин Феликсович становится главным врачом больницы.

В своей операционной он делает решительно все, что делали хирурги начала прошлого века. Медицинскую помощь, которую он оказывал один, в наше время могут оказать только сообща специалисты разных хирургических специальностей.

В отличие от Фатежа, отношения с земской управой у Ясенецкого-Войно складываются хорошие, и «отцы города» выделяют значительные средства на реконструкцию и оборудование больницы. Летом 1912 года в Переславле строится новое каменное здание для аптеки и амбулатории. В освобожденные помещения частично поместили расширяющееся терапевтическое отделение. В 1913 году была закончена постройка нового заразного барака на 16 коек и двухэтажного каменного здания для прачечной и дезинфекционной камеры. Кроме врачебной деятельности Валентину Феликсовичу приходится заниматься и организационными вопросами, выбивать средства на приобретение необходимого медицинского оборудования.

Довольно часто услугами хирурга Ясенецкого-Войно пользовались семьи священников, насельники монастырей, инокини Феодоровского монастыря, стоящего недалеко от земской больницы (к 1916 году число насельниц обители достигало 500 человек). Монастырская деловая переписка неожиданно приоткрывает еще одну сторону деятельности врача, которую Валентин Феликсович не посчитал нужным упомянуть в своих записях. Об этом свидетельствуют два письма. Вот первое из них:

«Глубокоуважаемая матушка Евгения!

Так как фактически врачом Феодоровского монастыря состоит Ясенецкий-Войно, я же, по-видимому, числюсь только на бумаге, то я, считая для себя такой порядок вещей оскорбительным, отказываюсь от звания врача Феодоровского монастыря; о каковом своем решении и спешу Вас уведомить. Примите уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Врач... 30. 12. 1911 г.».

А вот второе:

«Во Владимирское Врачебное отделение Губернского правления.

Сим честь имею покорнейше уведомить: Врач Н... оставил службу при вверенном моему смотрению Феодоровском монастыре в начале февраля, а с оставлением службы врачом Н... все время подает медицинскую помощь врач Валентин Феликсович Ясенецкий-Войно.

При большом количестве живущих сестер, равно и членам семейств священнослужителей, необходима врачебная помощь, и, видя эту нужду монастыря, врач Ясенецкий-Войно и подал мне письменное заявление 10 марта полагать свои труды безвозмездно.

Феодоровского девичья монастыря игуменья Евгения» (7).

Решение о безвозмездной врачебной помощи, конечно, не было случайным. Здесь просматривается духовный мотив. В очень искусительной общественной ситуации между двух революций Валентин Феликсович не отходил далеко от церковной ограды. Правда, он не постился и в храме бывал нерегулярно: по большим праздникам и в те редкие воскресные дни, когда появлялось свободное время. Но сам факт, что местный главврач имеет свое место в Спасо-Преображенском соборе и иногда заходит в стоящую рядом с ним Владимирскую церковь, будоражил провинциальную интеллигенцию.

Незадолго до принятия сана в 1918 году Сергей Николаевич Булгаков написал «современные диалоги» «На пиру богов». Позже, в 1920 году, их идеи были изложены мыслителем в стенах Таврического университета. За двадцать шесть лет до приезда в Крым архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) о. Сергей говорил о природе большевизма, о Церкви, о возрождении России и косвенно о том социальном прессе, который приходилось выдерживать верующему интеллигенту вроде героя нашего повествования.

«Посмотрите особенно на провинциальную интеллигенцию, так сказать, второго и третьего сорта: земского врача, фельдшера, учителя, акушерку, – говорит в этом произведении «светский богослов». – Хоть бы когда-нибудь они усомнились в своем праве надменно презирать веру народную! На их глазах люди рождаются, умирают, страждут, – совершается дивное и величественное таинство жизни, ежедневно восходит и заходит солнце, но ничего не шевелится в их душах, в них незыблемо царит писаревщина».

Но дело не только в этом. По мысли «светского богослова», «на русской интеллигенции лежит страшная и несмываемая вина – гонения на церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей этой атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила церковь». «Исповедовать веру в атмосфере интеллигентского шипа, глупых смешков, снисходительного пренебрежения – нет, это хуже большевизма», – восклицает участник диалога. Но при этом выражает надежду на встречу церкви и интеллигенции в большевистской России, в ситуации общих гонений (8).

С одной стороны, Ясенецкий-Войно противостоял дореволюционному интеллигентскому мейнстриму. Он не участвовал в революционных беспорядках, не разделял ходячих представлений о переустройстве общества, не поддавался пропаганде интернационала и оставался на позициях деятельного патриотизма. Но, с другой стороны, он не мог не болеть общей болезнью интеллигенции. Оторванная от органики жизни российская интеллигенция жила клишированными образами и схемами. Беснование идеологий двадцатого века началось сначала в головах представителей этой образованной прослойки. Совсем вырваться из плена

мифологем и идеологем земскому врачу было чрезвычайно трудно. Вера и высокий профессионализм позволяли Валентину Феликсовичу держаться в стороне от общего безумия. В этом смысле он был не интеллигентом, а профи в своей достаточно узкой области. Дальше нее он инстинктивно старался не выходить. Поэтому и сохранял нормальное отношение к Родине, к традициям, к эволюционному поступательному движению социума. Он ратовал не за революцию, а за эволюцию, за реформы. Приехав домой на обед 1 марта 1917 года, Валентин Феликсович выглядел очень мрачно. На вопрос жены врач подавленно ответил – царь отрекся от престола. Похоже, он предчувствовал близкие катаклизмы

Но вместе со своим веком Ясенецкий-Войно «болел» народничеством, превратившим народ в некоего божка, который требует себе все новых и новых жертв. Один из персонажей булгаковских диалогов, Писатель, говорит: «Большевизм есть, конечно, самое последнее слово нигилизма и народобожия» (9). В этой связи совсем не тактическим маневром кажутся слова Войно-Ясенецкого, которые он говорил советским следователям, партийным деятелям и чиновникам, следящим за деятельностью религиозных организаций в СССР, что не будь он христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. В душе будущего архиепископа шла трудная борьба, которая не привела его в годы лихолетья в лагерь защитников исторической России, но и не позволила всецело разделить взгляды атакующего класса.

В 1914 году началась Первая мировая, или Великая, как говорили раньше, война. В Переславле создается комитет по сбору пожертвований на устройство лазарета. В больницу начали поступать раненые. Впрочем, число их оказалось невелико, поскольку город находился на значительном расстоянии от ближайшей железнодорожной станции и транспортировать тяжело раненых было затруднительно.

Валентин Феликсович вспоминает: «В течение года поступило 1464 больных, 74 из них умерло, 22 после хирургических операций, 52 в терапевтическом отделении». Всего 5 % летальности – это небольшой процент, учитывая военное время. Число коек в больнице увеличилось в 1914 году до 84 вследствие открытия заразного лазарета на 16 коек для раненых, поступающих с театра военных действий.

В условиях военного времени доктору пришлось ограничить применение регионарной анестезии, так как не было новокаина. Поэтому увеличилось число операций, производимых под общим наркозом. Общий наркоз, совершивший революцию в хирургии и позволивший выполнять большие операции, сам по себе был далеко не безопасным. Техника дачи наркоза была примитивной – на рот и нос больного накладывалась маска из нескольких слоев марли. Особенно много испарений из маски доставалось наркотизатору. В те годы часто шутили: «Наркотизатор уже заснул, а больной еще не спит».

В 1915-м, как мы уже говорили, увидела свет монография «Регионарная анестезия». В это же время Валентин Феликсович задумал написать еще одну работу. За десятилетия до открытия антибиотиков, в пору, когда возможности врача в борьбе против раневой инфекции были ничтожны, Ясенецкий-Войно взялся за книгу о том, как можно хирургическими методами противостоять гнойному процессу. Первым среди врачей он разработал специальные приемы оперативного вмешательства при гнойных процессах и тем самым выделил гнойную хирургию из хирургии общей. Идея книги зародилась в Переславле, хотя впервые она увидела свет значительно позже, в 1934 году. В «Очерках гнойной хирургии» приводится 273 примера из историй болезни, 42 из них касаются пациентов Переславля-Залесского и уезда. В начале создания работы автору вдруг явилась «неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа» (10).

В начале 1917 года в семье Войно-Ясенецких случилась беда. «К нам приехала старшая сестра моей жены, только что похоронившая в Крыму свою молоденькую дочь, умершую от скоротечной чахотки, – вспоминает святитель в своих мемуарах. – На великую беду, она привезла с собой ватное одеяло, под которым лежала ее больная дочь. Я говорил своей жене

Ане, что в одеяле привезена к нам смерть. Так и случилось: сестра Ани прожила у нас всего недели две, и вскоре после ее отъезда я обнаружил у Ани явные признаки туберкулеза легких» (11).

Тогда существовало мнение, что туберкулез лучше лечится в сухом, жарком климате. Валентин Феликсович стал искать место врача в Средней Азии. И вскоре на конкурсной основе занял должность главного врача и хирурга Ташкентской городской больницы.

10 февраля 1917 года он пишет заявление об уходе с должности, а 15 февраля Переславская уездная земская управа посылает официальное сообщение № 528 во врачебное отделение Владимирского губернского правления об увольнении от должности заведующего Переславской земской больницы В.Ф. Ясенецкого-Войно с 20 февраля. В марте 1917 года семья отправилась в дорогу.

III. Ташкент – город хлебный

Семья Войно-Ясенецких прибыла в Ташкент в первых числах апреля 1917 года. Вместе с ней приехала и горничная с ребенком. В Центральной России еще таял снег, кругом лежала грязь, почки только-только набухали, а в Ташкенте весна была в самом разгаре: цветы, распускающиеся деревья, журчание воды в арыке. Больничный персонал приветливо встретил знаменитого хирурга. Ему предоставили шестикомнатную квартиру в доме на территории больницы, специально предназначенном для главного врача.

В центре города находился восточный базар, изумивший приезжих своими дарами. Яркие красные зерна гранатов, сочные яблоки старого урожая, зелень. А рядом шумели улицы, по которым сновали халаты, чалмы, тубетейки, скрипели арбы с огромными колесами, важно вышагивали караваны верблюдов.

Анна Васильевна повеселела. В первую ташкентскую ночь впервые за многие дни снотворное не понадобилось. Ей стало легче дышать. На следующий день новый главврач совершил первый обход. К концу обхода ему доложили, что доставлен больной с ущемленной грыжей. Ясенецкий-Войно решил оперировать сам по своему методу, заметно снижающему вероятность возникновения тяжелого, часто смертельного послеоперационного осложнения – воспаления брюшины. Суть метода заключалась в том, что в первую очередь восстанавливается проходимость кишечника, а затем удаляется ущемленный его участок. Все присутствующие в операционной с удивлением следили за быстрыми и ловкими движениями больших рук. Чувствовалась уверенность во всей работе, от разреза кожи до наложения последних швов (1).

Вечером того же дня Валентин Феликсович вместе с женой посетил кафедральный собор, познакомился с настоятелем.

Ясенецкий-Войно быстро получил признание как эрудированный врач и блестящий хирург не только медицинской общественности, но и населения. К нему потянулись толпы больных из Ташкента, окрестных селений и городов обширного Туркестанского края.

В Ташкенте ученый продолжил сбор материалов для монографии по гнойной хирургии. Ежедневно с 16.00 до 19.00 он проводил исследования в морге. Монография строилась на сотнях историй болезни, которые Валентин Феликсович диктовал или писал сам. Ташкентский профессор Борис Абрамович Стекольников вспоминает: «Сколько я помню, Валентин Феликсович всегда собирал материал для книги «Гнойная хирургия». Когда его интересовал какой-нибудь больной, он говорил: «Напишите историю болезни для книги». Это значило дать подробную мотивировку диагноза, пути распространения воспалительного процесса, осложнения, план операции и подробное описание самой операции. К написанию такой истории болезни приходилось долго готовиться. Это была трудная, но полезная работа, сильно расширяющая кругозор хирурга. Если Валентина Феликсовича не удовлетворяла моя история болезни, он произносил свое любимое: «Никуда не годится». Но постепенно я научился делать эту работу и теперь с удовлетворением вижу некоторые свои истории болезни в «Очерках гнойной хирургии» (2).

Перемена климата, хорошее питание, обилие овощей и фруктов, особенно виноградоление, рекомендованное доктором М.И. Слонимом, временно улучшили состояние здоровья Анны Васильевны (3). Но с конца 1917 года положение дел в Ташкенте резко ухудшилось. Историческая Россия, по выражению Василия Розанова, слиняла в три дня, и жизнь пошла наперекосяк. Продукты в городе стремительно дорожали, базары пустели, горничная Лиза простаивала в длинных очередях. Над больничным двором свистели пули. К зиме стало голодно, и Лиза с ребенком решила вернуться на родину, в Переславль. Анна Васильевна уже не могла следить за чистотой в доме, и Валентин Феликсович сам мыл пол, накручивая на половую щетку старые бинты. Питались с больничной кухни. Обед обычно состоял из квашеной капу-

сты в мутной воде. Плохое питание в первую очередь отразилось на здоровье жены Валентина Феликсовича – она стала медленно угасать, и даже «усиленное питание» – паек, выхлопотанный ей доктором Слонимом, – не помогло.

Но Ясенецкий-Войно не роптал на судьбу. К установлению советской власти в Ташкенте он отнесся спокойно. Лозунги большевиков о мире, земле и свободе его, естественно, не отпугнули. В детали он не вдавался и как честный врач продолжал заниматься своим делом.

После октябрьских боев на улицах Ташкента в хирургическое отделение городской больницы поступило много раненых. Оперировать пришлось и днем и ночью.

К лету 1918 года Туркестанская республика превратилась в советский остров. Железную дорогу, соединяющую Среднюю Азию с остальной Россией, у Оренбурга перерезали казаки генерала Дутова. В Ферганской долине большевиков атаковали отряды узбекских и русских крестьян, объединившихся в «Крестьянскую армию» (4). В самом городе постоянно шли аресты, разоблачения, расстрелы.

С 1917 по 1923 год Ясенецкий-Войно оставался первым председателем ташкентского Союза врачей. Осенью 1918 года комиссар здравоохранения И.И. Орлов пригласил ведущих медиков города – М.И. Слонима, А.Д. Грекова и В.Ф. Ясенецкого-Войно – обсудить острую нужду, которую испытывал регион в медицинских кадрах. На всей огромной территории Туркестана насчитывалось всего 250 врачей, да и то многие из них были из числа военнопленных. Не хватало также фельдшеров и медицинских сестер. Вскоре организуется краевая медицинская школа, где маститый врач читает курс анатомии. В августе 1919 года она преобразуется в медицинский факультет при Туркестанском государственном университете. Деканом медицинского факультета был назначен П.П. Ситковский. По решению советского правительства из Москвы и Петрограда в Ташкент направляются большая группа профессоров и преподавателей. В 1920-м доктора медицины Ясенецкого-Войно власти утверждают заведующим кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии.

Кафедра находилась в самом центре здания, из которого под углами расходились длинные крылья клинических корпусов. Три комнаты, которые зимой не отапливались. По свидетельству крупного советского терапевта и гематолога И.А. Кассирского, дружившего с прославленным врачом, лекции он читал тихим, несколько глуховатым голосом тенорового тембра, но аудиторией овладевал мгновенно. Его плавная, уверенная речь, благородно-сдержанная манера общения и какая-то мягкая, согревающая теплота глаз захватывали слушателей. Его лекции были тем весомее, что Валентин Феликсович не только преподавал топографическую, или, иначе говоря, хирургическую, анатомию, но и оставался действующим хирургом. «Я видел его у операционного стола. Он оперировал без какой-либо нервозности. Чувствовался спокойный, ровный ритм работы. Его пальцы нежно и в то же время властно управляли движением скальпеля в живой ткани», – пишет Кассирский. Коллегу Ясенецкого-Войно поражал широкий диапазон его оперативного умения: «Он не терялся ни перед какой новой и случайной операцией, умел сразу находить творческое решение по ходу операции. Ему, конечно, очень помогало абсолютно безошибочное стереоскопическое представление любой области тела, куда вторгался скальпель. Самую сложную операцию он вел, казалось, без всякого напряжения. В полной тишине, спокойно, время от времени он предупреждал ассистента: «Сейчас, под этой фасцией сосуд (следует название) зажмите...» Это его в результате блестящего знания анатомии заранее сказанное «зажмите» помогало делать операции почти бескровными» (5). Профессор много работал, отдавал медицине все силы. «Работа должна выглядеть как бриллиант, – говорил он, – куда его ни повернешь, он блестит».

Но спасти горячо любимую жену от смерти прославленный врач не смог. Анна Васильевна скончалась в конце октября 1919-го в возрасте 38 лет. Туберкулез за два с половиной года свел ее в могилу. Лечить его в то время толком не умели. Последние месяцы ее жизни были омрачены арестом мужа. Подоплека этого дела была такова. В городе начались аресты против-

ников нового режима. По доносу работника морга Андрея, которого Валентин Феликсович неоднократно предупреждал, что выгонит за пьянство с работы, главного врача и его молодого коллегу увели в железнодорожные мастерские. Здесь «чрезвычайная тройка» вершила свой скорый суд. Большинство арестованных приговаривались к расстрелу. Осужденных выводили через отдельную дверь, и приговор приводился в исполнение. Перед дверью трибунала два врача просидели более полусуток. На частые тревожные вопросы Р.А. Ротенберга: «Почему нас не вызывают? Что это может означать?» – Валентин Феликсович отвечал: «Вызовут, когда придет время, сидите спокойно». Поздно вечером в этом «зале смерти» появился видный партиец, который знал главного врача в лицо. Он удивился, увидев знаменитого хирурга, расспросил, что произошло, и вскоре вручил двум арестованным пропуск на выход, дав в сопровождение охрану.

«А моя бедная больная Аня знала, что меня арестовали, знала, куда увели, и пережила ужасные часы до моего возвращения. Это тяжелое душевное потрясение крайне вредно отразилось на ее здоровье, и болезнь стала быстро прогрессировать», – пишет святитель в мемуарах (6).

Анна горела в лихорадке, совсем потеряла сон и очень мучилась. Настали предсмертные дни. Муж вспоминает: «Последние двенадцать ночей я сидел у ее смертного одра, а днем работал в больнице. Настала последняя страшная ночь. Чтобы облегчить страдания умиравшей, я впрыснул ей шприц морфия, и она заметно успокоилась. Минут через двадцать слышу: «Впрысни еще». Через полчаса это повторилось опять, и в течение двух-трех часов я много впрыснул ей шприцев морфия, далеко превысив допустимую дозу. Но отравляющего действия его не видел. Вдруг Аня быстро поднялась и села, довольно громко сказала: «Позови детей». Пришли дети, и всех их она перекрестила, но не целовала, вероятно, боясь заразить. Простившись с детьми, она легла, спокойно лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее становилось все реже и реже...» (7).

Две ночи Валентин Феликсович читал Псалтирь над гробом почившей. В это время он словно приблизился к Богу.

Человек – существо переменчивое. В какие-то моменты, несмотря на свою религиозность, он занимается вещами сугубо прикладными и редко когда вспоминает о высшем. В какие-то моменты бывает наоборот, и Бог посещает его через радости и болезни, и даже через утраты.

Войно-Ясенецкий начинает иначе слышать и слушать.

После смерти жены Валентин Феликсович продолжает много работать, читает лекции, ведет практические занятия, но в его сердце гуляет метафизический сквознячок. Главврач стал чаще бывать в храме. Начавшиеся гонения на религию еще больше повернули его в сторону церковной ограды.

На руках у овдовевшего мужа оказалось четверо детей – три мальчика и девочка. Кто заменит им мать? Читая над гробом почившей Псалтирь, Ясенецкий-Войно поразился стихом: «Неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях» (Пс. 112; 9). «Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции, – вспоминает святитель. – Я едва дождался семи часов утра и пошел к Софии Сергеевне, жившей в хирургическом отделении. Я постучал в дверь. Открыв ее, она с изумлением отступила назад, увидев в столь ранний час своего сурового начальника, и с глубоким волнением слушала о том, что случилось ночью над гробом моей жены. Она сказала, что ей очень больно было только издали смотреть, как мучилась моя жена, и очень хотелось помочь нам, но сама она не решалась предложить нам свою помощь» (8).

Софья Сергеевна стала второй матерью для детей. Она переехала в квартиру главврача, в отдельную изолированную комнату. Правда, прожила она на новом месте недолго. В 1923 году, после ареста принявшего к этому времени архиерейский сан хирурга, их выгнали из квартиры. Потом от детей будут требовать отречься от отца, травить в институте и на работе, клеймо политической неблагонадежности будет преследовать их много лет. И все-таки они сумели стать известными учеными.

Все три сына Валентина Феликсовича были докторами медицинских наук. Михаил (1907–1993), старший сын святителя, руководил патолого-анатомической лабораторией в Ленинграде. Средний сын – Алексей (1909–1985) – руководил лабораторией в Институте эволюционной физиологии в городе на Неве, защитил также докторскую по биохимии. Младший – Валентин (1913–1992) – основал в Одессе лабораторию патоморфологии Института глазных болезней и тканевой терапии им. В.П. Филатова АМН Украины. Елена (1908–1971) жила в Ташкенте, работала врачом-эпидемиологом.

Конечно, в истории с передачей детей незнакомой женщине немало соблазнительного. Как можно было решиться пойти на такой шаг, не посоветовавшись с духовно опытным человеком, не взвесив все «за» и «против»? И каково было детям после смерти матери остаться еще и без отца, без постоянного его присутствия? Ведь ребенок лепит себя с родителей, без них ему тяжело. На эти вопросы нельзя ответить просто: «Так Бог решил». Потому что Бог дал человеку свободу, медитация на тему псалма не вела к однозначному решению, и у врача была возможность устроить свою жизнь как-то иначе. Например, жениться на Софье Сергеевне и жить с ней в духовном браке, как брат с сестрой, вместе воспитывая детей. К тому же нет никакого сомнения, что Софья Сергеевна полюбила Валентина Феликсовича. Иначе она просто не взяла бы его детей. И брак мог быть отнюдь не платоническим.

Правда, если бы врач вторично женился да к тому же на вдове, то, по церковным канонам, он не сумел бы войти в число клириков, стать священником. Впрочем, в Церкви всегда существуют исключения из правил, и Ясенецкого-Войно вполне могли бы рукоположить, несмотря на второбрачие. Все эти канонические проблемы, впрочем, в тот момент не имели для врача никакого значения. Он еще не подозревал о новом призвании и выстраивал, как мог, свою текущую жизнь.

В феврале 1921 года Валентин Феликсович стал священником. Этому событию сопутствовали следующие обстоятельства. Профессор регулярно посещал храм, часто бывал на богословских собраниях, сам выступал с беседами на темы Священного Писания. После Поместного собора 1917–1918 годов усилились мирянские движения. В союзе с духовенством простые верующие брали на себя ответственность за Церковь. Стало меняться качество церковного собрания. Если раньше многие ходили в храм ради галочки или для того чтобышний раз засветиться перед начальством, то теперь важными стали метафизика и вектор духовного роста. Общинно-братское измерение жизни начинает пронизывать всю церковь. Опыт общин о. Алексея Мечева в Москве, о. Анатолия Жураковского в Киеве, о. Иоанна Егорова в Петрограде выходит за узкие приходские рамки. С ним сталкиваются, его переосмыслиют во многих местах. Практика собраний в привокзальной церкви Ташкента, где настоятельствовал протоиерей Михаил Андреев, как раз говорит об освоении этого опыта на окраинах бывшей Российской империи. Возникают не только приходские и межприходские братства, но и союзы братств и приходов в самых разных уголках страны. Стоило убрать бюрократический контроль над церковной жизнью, и Российская церковь начала пульсировать, создавать церковно-общественные объединения. Только в одном Петрограде к началу 1920-х годов их было около двадцати.

Об общинном измерении Церкви много думает Николай Бердяев. В это время он живет в Москве, ходит к о. Алексею Мечеву. Он видит, что человек, с одной стороны, превращается

в винтик коллектива. А с другой – страшно индивидуализируется. Общинность как внутреннее качество личности, которое раскрывается в общении, становится религиозной повесткой дня. И Бердяев говорит об общине как о творчестве. Позже, уже в эмиграции, философ утверждал примерно следующее. Внутренняя, реальная христианская жизнь превратилась в символ. Вот, мы приходим на Божественную литургию. Если спросить прихожанина: «Где Тело Христово?», он ответит: «В Святых Дарах». В древней церкви, конечно, все было не так. И на подобный вопрос христианин бы ответил: «В церковном собрании». Со временем реальность стала теряться, а символы остались. Но они имеют значение только до тех пор, пока ведут к подлинной духовности.

Понятно, что попытки верующих перейти к более напряженной духовной жизни встретили сопротивление со стороны тех, кто ценил в церковной ограде только возможность скрыться от волнений «мира сего», кто судорожно держался за привычное благочестие.

Но мир менялся, и духовная жизнь требовала от человека не просто участия в богослужении, а чего-то большего: действенной помощи ближнему, социальной ответственности, совместных молитв в разных контекстах и обстоятельствах. Церковное служение людям меняло саму оптику верующих. Многие начинали видеть в конкретном больном и немощном человеке страдающего Христа. Через ближнего верующие встречались со Христом, человекообщение превращалось в Богообщение. Время приобрело откровенные эсхатологические черты. И в этой ситуации духовно чутким людям приходилось совершать резкие, духовно значимые жесты.

Совершил их и Валентин Феликсович. Конечно, он не имел опыта общинной жизни. Может быть, даже вовсе не задумывался об общинно-братской экклесиологии. Внешне его церковная практика ничем не отличалась от индивидуалистического опыта многих православных.

Но врачебная деятельность, служение больным людям помогала Валентину Феликсовичу войти в соборную жизнь Церкви, почувствовать ее биение. В конце 1920 года он присутствовал на епархиальном собрании и произнес речь о положении дел в Ташкентской епархии. Это выступление произвело большое впечатление на слушателей. После собрания правящий архиерей – епископ Ташкентский и Туркестанский Иннокентий (Пустынский) – взял профессора под руку и, разговаривая, обошел с ним дважды вокруг собора. Неожиданно остановившись, преосвященный сказал: «Доктор, вам надо быть священником!».

«Хорошо, владыко! Буду священником, если это угодно Богу!», – ответил, ни минуты не размышляя, Валентин Феликсович (9).

Вопрос о рукоположении был решен так быстро, что будущему клирику не успели даже сшить подрясник. Уже в ближайшее воскресенье при чтении часов он вышел в сопровождении двух дьяконов к архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время литургии – в сан диакона.

Войно-Ясенецкий вспоминает: «Конечно, это необыкновенное событие посвящения во диакона уже получившего высокую оценку профессора произвело огромную сенсацию в Ташкенте, и ко мне пришли большой группой студенты медицинского факультета во главе с одним профессором. Конечно, они не могли понять и оценить моего поступка, ибо сами были далеки от религии. Что поняли бы они, если бы я им сказал, что при виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» И я чувствовал, что мой долг – защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому» (10).

В это время воинствующее безбожие набирало обороты. Многие верующие кровью засвидетельствовали свою верность Христу. Адская машина репрессий перемальвала судьбы архиереев, священников, активных мирян. И вот в такое время Ясенецкий-Войно не испугался пойти против течения. Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня, 15 февраля 1921 года, Валентин Феликсович был хиротонисан во пресвитера.

Его тут же назначили четвертым священником в собор и благословили проповедовать. «Ваше дело не крестити, а благовестити» (1 Кор. 1, 17), – сказал словами апостола Павла преосвященный Иннокентий. Эти слова оказались пророческими. За два года своего священства о. Валентин не совершал никаких треб, даже не крестил младенцев. Но он говорил с амвона. И еще после воскресной вечерни вел беседы на богословские темы, которые привлекали немало слушателей, целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма. Приходилось вести о. Валентину и диспуты о религии. Подобные диспуты, устраиваемые властями, были призваны раскрыть глаза верующим на сущность православия и помочь им порвать с религией. В чем-то такие действия копировали дореволюционные, когда православные контрмиссионеры «изобличали» сторонников старой веры, которые под страхом репрессий вынуждены были участвовать в бесплодных баталиях. Такая борьба с инаковерием бумерангом вернулась к верующим самой большой российской конфессии.

Но далеко не всегда воинствующие безбожники одерживали в публичных дебатах победы. В Ташкенте отцу Валентину пришлось полемизировать с бывшим протоиереем Ломакиным. Как правило, эти диспуты кончались не в пользу последнего. И верующие не давали ему прохода, спрашивая: «Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?»

О. Валентин преуспевал не только в пастырской, но и во врачебно-научной деятельности. Он читал лекции на медицинском факультете, слушать которые приходили и студенты других курсов. Лекции читались в рясе и с крестом на груди. Позже, в 1940-е годы, это делать уже было невозможно.

Оставался о. Валентин и главврачом Ташкентской городской больницы: оперировал каждый день и даже ночами, ставил диагнозы, обрабатывал свои научные наблюдения. На первом научном съезде врачей Туркестана Валентин Феликсович (ничего криминального в таком именовании пресвитера нет, поскольку до революции к священникам считалось нормально обращаться по имени-отчеству) выступил с четырьмя большими докладами. Продолжал он и работу в морге над трупами. В результате врач в сане заразился и жесточайшим образом переболел возвратным тифом. Но и после этого он продолжил изучать пути распространения гнойных процессов.

Репрессии против верующих в стране диктатуры пролетариата усиливались. При этом власти заявляли, что православие преследуется не как религия, а как осколок старого режима, участвующий якобы в контрреволюционных заговорах. 23 февраля 1922 года ВЦИК принял печально известный декрет об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих. Официальным поводом для этого стал страшный голод в Среднем и Нижнем Поволжье после засухи 1921 года. Истинные же причины издания декрета – желание пополнить государственную казну и одновременно нанести под благовидным предлогом еще один тяжелый удар по Церкви.

После появления декрета по всей России началось массовое изъятие церковных ценностей – священных сосудов и напестольных крестов, окладов для икон и иной церковной утвари. В ряде мест это привело к столкновению представителей властей с верующими, что дало большевикам очередной повод подвергнуть репрессиям правящих архиереев, духовенство, активных прихожан.

Как Церковь на самом деле реагировала на голод, власти предержавшие прекрасно знали. Еще в августе 1921 года патриарх Тихон благословил отдавать все церковные ценности, «не имеющие богослужебного применения», на спасение голодающих. Церковь готова была отдать и богослужебные сосуды, но перелитые в слитки золота и серебра, потому что это святыня, к которой нельзя касаться «непосвященной рукой».

Церковный народ хотел открывать на свои средства бесплатные столовые для голодающих, закупать провизию с иностранных пароходов. И, конечно, участвовать в распределении изъятых из церковной копилки средств. Но Ленин не хотел допустить церковной благотвори-

тельности. Вождь мирового пролетариата вполне откровенно писал о реальной направленности кампании в тайном письме Молотову 19 марта 1922 года: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Ленин подчеркивал: «Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». В Москве, Петрограде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе состоялись судебные процессы с последующими массовыми расстрелами духовенства и других «участников сопротивления изъятию ценностей». В Петрограде – 80 обвиняемых и 4 смертных приговора, в том числе митрополиту Вениамину (Казанскому); в Москве – 154 обвиняемых, 11 смертных приговоров.

Всего за этот период было осуждено свыше 10 000 человек, из них 2000 – расстреляны.

Вместе с этим российскому православию угрожала и другая опасность – раскол. Весной 1922 года, в самый разгар изъятия ценностей, заявила о себе группа, именовавшая себя «Живая Церковь» и претендовавшая на всю полноту церковной власти. Решающую роль в ее создании играло ОГПУ – специальная служба советского режима. Обновленцы (так стали называть раскольников) появились как проект властей и в этом качестве стали восприниматься большинством верующего народа. Существует ошибочное представление, что стержнем «обновленчества» является церковная модернизация. Действительно, в среде раскольников было немало людей, высказывавшихся за церковные реформы. Но оказалось среди них и немало консерваторов, эти самые реформы заморозивших. Вопрос упирался не в реформы, а в политику. Альтернативное православие приветствовало Октябрьский переворот и прославляло власть «рабочих и крестьян» (а фактически корпорацию партийно-чекистской номенклатуры). Оно готово было на любые санкционированные властями кадровые изменения в своей структуре. Любопытно, что политическая философия обновленчества была в послевоенное время воспринята руководством РПЦ МП. Впрочем, еще раньше, с Декларации митрополита Сергия (Страгородского) в 1927 году, кадровая политика полностью оказалась в руках ОГПУ. Так советское правительство наглядно продемонстрировало отделение Церкви от государства.

Союз с обновленцами у большевиков был чисто тактический, и в 1930-х годах многие из них оказались в местах не столь отдаленных. Но все-таки к ним никогда не относились как к «контрреволюционерам».

Власти прекрасно понимали, что обновленцы могут составить серьезную конкуренцию их идеологии в рабоче-крестьянской массе. Поэтому они не собирались заключать с ними конкордат, специальное соглашение, хотя одно время такая возможность обсуждалась. Их цель состояла в ослаблении православия, в провоцировании все новых и новых расколов, слева и справа. В 1922–1923 годах, в первые годы обновленчества, большевики однозначно стояли на стороне раскольников, являлись архитекторами раскола и, прибегая к репрессиям, расчищали своим ставленникам дорогу к церковной власти.

Большевики начали открытое гонение на тех, кто оставался верным патриаршей Церкви. Одни архиереи затаились на местах, другие были арестованы, третьи кратковременно признали обновленческое Высшее церковное управление. Симптоматично, что появление обновленчества было синхронизировано ОГПУ с арестом патриарха Тихона, якобы за сопротивление изъятию церковных ценностей (11). С 9 мая 1922 года он находился под домашним арестом в московском Донском монастыре, 23 мая 1923 года был переведен на Лубянку во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Знакомые с ситуацией люди восприняли это как свидетельство неизбежности расстрела святейшего в самое ближайшее время. Однако большевики все же не решились сделать последний шаг и сочли более целесообразным освободить патриарха при условии его публичного раскаяния и признания советской власти. Желая облегчить положение гонимой

Церкви, первоиерарх пошел на компромисс. 16 июня он обратился в Верховный суд РСФСР с заявлением, в котором говорилось: «Я заявляю Верховному суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции» (12). Одновременно с публикацией этого заявления в газете «Известия» 27 июня 1923 года патриарх Тихон был освобожден. После выхода святителя на свободу дела обновленцев пошли значительно хуже.

С мая 1922 года обновленцы Туркестана начали при поддержке властей захватывать храмы, принадлежавшие «тихоновцам» (так обновленцы и большевистская пропаганда именовали сторонников законной церковной власти). И в этой ситуации гонений верный канонической церкви о. Валентин совершает еще один знаковый поступок, фактически обрекающий его на арест. Он становится «тихоновским» архиереем.

О принятии архиерейского сана Валентин Феликсович в своей автобиографии рассказывает как о детективной истории. И она действительно тянет на это. Узнай чекисты, что ташкентский хирург, аккурат накануне прибытия обновленческого руководителя, собирается занять законное архиерейское место, они бы не допустили хиротонии.

Архиерейской хиротонии сопутствовали следующие обстоятельства. В Ташкенте появилась группа обновленцев. В раскол перешли даже два видных протоиерея. Епископ Иннокентий, опасаясь своего ареста, решил сделать епископом архимандрита Виссариона. Но на другой день нареченный епископ был арестован и выслан из города. Стало ясно, что скоро арестуют и предстоятеля Туркестанской церкви. Не дожидаясь ареста, владыка ночью уехал в Москву. Все со страхом ожидали приезда назначенного в Ташкент обновленческого архиерея. И вот в этой неразберихе отец Валентин вместе с настоятелем вокзальной церкви протоиереем Михаилом Андреевым собирают вокруг себя всех, кому дорого каноническое православие. Они проводят собрание верных чад Матери-Церкви, на котором обсуждаются вопросы об упорядочении церковной жизни епархии. На этом же собрании верующие избирают о. Валентина на Ташкентскую кафедру. Как в первые века христианства, вся Церковь, включая клириков и laikов, то есть мирян, поставила над собой архиерея.

О выборности епископов и священников говорилось на Поместном соборе 1917–1918 годов. Эта практика не являлась каким-то новым начинанием. Достаточно вспомнить обычаи Великого Новгорода. До середины XVIII века епископ не мог рукоположить священника, если он не имел поддержки среди простых верующих. «Аксиос», «достойн» до сих пор возглашают в храме во время хиротонии. Этим возгласом народ подтверждает свое согласие на священнодействие. К слову, само греческое слово «хиротония», то есть рукоположение, переводится как голосование.

Конечно, клириков на служение избирает Бог, и община лишь свидетельствует об этом избрании. Однако важно, что Дух Святой действует в общине, в собрании.

В первые пореволюционные годы был даже случай, когда община сама поставила себе пресвитера без участия епископа, и это не было самосвятством, а именно действием Бога. После смерти в Петрограде о. Иоанна Егорова от брюшного тифа в 1921 году его община решила искать воли Божией о старшем. Она поставила на служение, действительно возложив на него руки, Льва Бунакова. Общинники обратились в епископат, чтобы Бунакова признали священником. Церковная власть ответила в том смысле, что ваш ставленник достоин рукоположения. Но община ответила: «Нет, есть свидетельство Духа Святого, что он пресвитер, мы не можем его перерукополагать», то есть это было бы как второе крещение, то есть кощунство. И была написана специальная молитва, примерно такая: «Божественная благодать, всегда немощное врачующая, оскудевающее восполняющая, свидетельствует о таком-то, пресвитерствующем в общине такой-то, и о его кафолическом пресвитерстве; да помолимся о нем». И верующие это приняли, потому что они согласились, что этим Дух Святой не оскорбляется (13).

Сейчас иногда слышны голоса, что выборы духовенства сегодня невозможны. Более того, участие в Поместном соборе 1917–18 годов священников и мирян является позднейшим нововведением, укрепившимся благодаря влиянию светского парламентаризма на церковную жизнь.

Однако Апостольский собор, по образцу которого строились все последующие соборы, состоял не только из апостолов: это было церковное собрание Иерусалимской церкви. Будущий архипастырь Лука (Войно-Ясенецкий) проникся таким пониманием соборности. Но также хорошо он понимал, что в условиях гонений на церковь соборность не исключает жесткую дисциплину. Собственно, в этом и проявилась его реакция на жесткость и жестокость времени: в своем церковном служении он последовательно выстраивал епископскую вертикаль власти. Но это была власть святого епископа, архиерея, которой во всем искал волю Божию.

Итак, о. Валентина избирают на епископскую кафедру. В это время в Ташкент приехал ссыльный епископ Уфимский Андрей (в миру князь Ухтомский). Он тайно постриг Валентина Феликсовича в монахи с именем Луки. «Он говорил мне, что хотел дать мне имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на литургии, совершенной мною, и услышал мою проповедь, то нашел, что мне гораздо более подходит имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки», – признается Войно-Ясенецкий (14). По церковным правилам, епископа поставляют два или три епископа, но в это время архиереев, кроме владыки Андрея, в Ташкенте не было. Поэтому было решено отправить о. Валентина с рекомендательным письмом в город Пенджикент, недалеко от Самарканда, где отбывали ссылку епископ Болховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер). Отъезд состоялся в условиях строгой конспирации: о нем знали только несколько человек, и для отвода глаз Войно-Ясенецкий назначил на следующий день несколько операций.

Вечером 29 мая 1923 года в сопровождении одного иеромонаха, дьякона и 16-летнего сына Михаила 46-летний главврач уехал на поезде в Самарканд. Утром следующего дня, с трудом найдя извозчика, он едет в захудалый городок. Преосвященные Даниил и Василий принимают гостя с распростертыми объятиями. Вечером, в маленькой церкви Святителя Николая Мирликийского, они совершают наречение во епископа. Вместе с ними в ссылке живет знаменитый московский батюшка Валентин Свенцицкий, человек по-своему замечательный. Прозаик, драматург, публицист, в 1905-м он основал Христианское братство борьбы. Это братство ставило своей целью «принимать самое деятельное участие в общественной и политической жизни страны, действительно осуществлять вселенскую правду Богочеловечества». В конце 1917 года о. Валентин оказывается в рядах защитников исторической России, служит священником в Добровольческой армии А.И. Деникина. В 1920-м Свенцицкий возвращается в Москве и живет в Первопрестольной до 1922 года. В этом году его арестовывают и отправляют в ссылку в Пенджикент.

Вот такой священник вместе со спутниками Войно-Ясенецкого читает и поет на богослужении.

А ранним утром, при запертых дверях, в этой же церкви совершается Божественная литургия, на которой о. Валентин стал архиереем. Это произошло 31 мая 1923 года. На следующий день новый епископ уже был в Ташкенте (15).

Кафедральный собор города был занят обновленцами. Когда они узнали, что епископ Ташкентский и Туркестанский Лука собирается служить всенощную и литургию, то быстро ретировались. Свою первую архиерейскую службу Ясенецкий-Войно служил с единственным оставшимся верным канонической церкви священником – прот. Михаилом Андреевым. В алтаре молился преосвященный Андрей (Ухтомский) и очень волновался, чтобы новый владыка не наделал богослужебных ошибок. Служба прошла спокойно.

Но врач в сане понимает, что это затишье перед бурей, что на свободе ему остается быть совсем немного. Он пишет послание к туркестанской пастве, которое его помощники перепе-

чатывают на машинке. Лука просит и умоляет верующих не вступать ни в какое сношение с «вепрем» – «живой церковью»: «Внешностью богослужения не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божия». И в то же время епископ говорит о необходимости повиноваться светской власти: «Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попушением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего. . . Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно повиноваться» (16).

В этом послании Ясенецкий-Войно буквально следует словам Спасителя, сказавшего: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу» (Мф. 22, 21).

Верного патриарху Тихону архиерея власти арестовали 10 июня 1923 года, в субботу вечером. В 23.00 в наружную дверь раздался стук. Обыск, арест. И вот святитель первый раз входит в «черный воронок». Начинаются годы тюрем и ссылок.

IV. Тюрьмы и ссылки

В общей сложности святитель Лука провел в тюрьмах и ссылках одиннадцать лет. Против него было заведено шесть уголовных дел. По пяти из них посмертно, уже в постсоветское время, он был реабилитирован. Что касается шестого, то у правосудия до сих пор не дошли до него руки. К святому применяли разные методы воздействия. В двадцатых – первой половине тридцатых годов власти, несмотря на гонения, считались с медицинскими заслугами нашего героя и пытались убедить его отказаться от религии в пользу науки. В годы Большого террора Войно-Ясенецкий рассматривался как представитель той группы, которая подлежит уничтожению. Никакое «раскаяние» не могло его спасти от неминуемой смерти. Спасло его чудесное стечение обстоятельств и мужество. Мученичество советского периода, как отмечает историк Алексей Беглов, имеет свою специфику, связанную с характером преследований за веру. Сегрегация по классовому признаку в СССР дополнялась сегрегацией по религиозной принадлежности. Активные верующие, особенно духовенство, попадали под каток повышенного налогообложения, их выселяли во время «чисток» из крупных городов, записывали в число неблагонадежных. Вера становилась препятствием в карьерном росте, грозила осложнениями дома, в коммунальной квартире, столкновением с общественными организациями, репрессиями. Если мученики первых веков христианства сохранились в церковном предании как свидетели веры и воскресения, то советские верующие очень часто становились свидетелями Голгофы (1). Они проявляли христианское смирение перед лицом близкой расправы, как сделали это на заре русского христианства князь-страстотерпец Борис и Глеб.

Страдания святителя Луки оказались связаны и с молчаливым стоянием у Креста, и с героическим утверждением веры, Воскресения. Он совместил в своем подвиге раннехристианский и более поздний опыт свидетельства. Погружение во тьму стало одновременно и вхождением во мрак, где был Бог.

В СМИ началась травля «тихоновского архиерея». Его обвиняли не только в контрреволюции, но и, как ни странно это звучит сегодня, в нарушении церковных канонов. Ничтоже сумняшеся журналист Горин на страницах официального органа ВКП (б) «Туркестанской правды» за несколько дней до ареста святителя размышляет о правомочности рукоположения врача и приходит к выводу, что архиерейскую кафедру Лука захватил незаконно. «Воровской епископ» – вот главный слоган фельетона. А главный его посыл – необходимость возбудить уголовное дело против В.Ф. Ясенецкого-Войно: «... все это представляет достаточно материалов для привлечения его в порядке внутреннего управления к ответственности» (2).

В свою очередь сотрудники карательных органов состряпали обвинение. Подсудимому инкриминировали агитацию за международную буржуазию и распространение ложных слухов о якобы неправильном осуждении патриарха Тихона. Еще одна страшная вина – продолжение существования союза приходов, признанного местной властью незаконным, и участие в этом союзе Луки. Задача ведомства Дзержинского была предельно простой: удалить под любым предлогом из города «контрреволюционера», отправить его в ссылку. Ведь пока он оставался в Ташкенте, народ слушал его, а не раскольников. К августу 1923 года все храмы епархии контролировались обновленцами, но они стояли пустыми. Наказ опального владыки не имеет ничего общего с «лютым вепрем» соблюдался церковным народом неукоснительно.

Ясенецкого-Войно решили отправить в Москву, в центральное Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), в задачу которого входила борьба с контрреволюцией. Обратим внимание на процедуру рассмотрения дела. Никакого суда над владыкой не было – его судьбу решили во внесудебном порядке. До этого святителя держали в ташкентской тюрьме в относительно сносных условиях. Известно, что режим заключения двадцатых годов позднее, после сурового ужесточения условий содержания заключенных в 1930-е годы,

казался весьма легким. После первых допросов профессора-епископа перевели из одиночки в большую общую камеру. Арестанты имели возможность встречаться с родными, принимать от них передачи, совершать прогулки на большом внутреннем дворе, читать и писать. Последнее обстоятельство было особенно важно. Врач не отказался от мысли закончить «Очерки гнойной хирургии». И в этом намерении проявились не только его упорство, но и патриотизм: он хотел быть полезным стране, людям. Интересно, что патриотизм Луки разделяли и сотрудники карательных органов. Несмотря на запущенный механизм репрессий, они помнили об общем благе, идеология еще не до конца подчинила их себе. Когда профессор-епископ обратился к начальнику ташкентского тюремного отделения с просьбой дать ему возможность дописать главу «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его», тот предоставил ему свой кабинет. После окончания рабочего дня заключенный сел за рукопись и трудился. Вскоре на заглавном листе завершённой работы он написал: «Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии». Так сбылись предчувствия, которые были у автора еще в Переславле-Залесском.

Итак, монография закончена, передана через друзей в медицинское государственное издательство, которое готовит ее к публикации. Но книга зависает: в двадцатые годы она так и не вышла. В процессе ее подготовки возникли свои завихрения. Профессор медицины обратился к наркому просвещения А.В. Луначарскому с просьбой напечатать монографию с указанием сана автора, но нарком ответил решительным отказом. Книга увидела свет только после второй ссылки Войно-Ясенецкого, без упоминания его епископства.

Среди вопросов, которые задавали следователи, один для епископа Луки был очень важен. Во всяком случае, он вспоминал свой ответ на него неоднократно – в беседах с советскими и партийными чиновниками, с простыми верующими. Его задал один из высокопоставленных сотрудников ОГПУ, который стал расспрашивать владыку о его политических взглядах и отношении к советской власти. Услышав, что епископ является сторонником демократии, он спросил:

– Так кто же вы – друг наш или враг наш?

– И друг ваш, и враг ваш, – ответил епископ. – Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но вы воздвигли гонение на христианство, и потому, конечно, я не друг ваш.

Войно-Ясенецкого выслали как политического преступника. Его отправили не в арестантском, а в пассажирском вагоне, дав сутки на сборы и прощание с семьей. Всю ночь перед отъездом к нему шли люди. Перед отходом поезда верующие легли на рельсы, чтобы удержать владыку, но сделать это, конечно, было невозможно.

В Москве епископ явился в органы. После короткого допроса ему разрешили свободно жить в городе и через неделю снова явиться на допрос. Видимо, начальник шестого («церковного») отделения секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучков еще не принял окончательного решения по дальнейшей судьбе епископа-хирурга и взял небольшую паузу.

Фактически в эти годы Е.А. Тучков играл роль большевистского обер-прокурора. Мальчик-конторщик в одном из торговых домов Иваново-Вознесенска, писарь в годы Первой мировой войны, он, начав в 1919 году службу в органах ВЧК, сделал в этом ведомстве стремительную карьеру. Когда в 1922 году была создана антирелигиозная комиссия ЦК РКП (б) во главе с Емельяном Ярославским, Тучкова назначили ее секретарем. В своем кабинете на Лубянке, неизменно оставаясь в тени, он занимался оперативной и аналитической работой, которой сочувствовали слезки и аресты, допросы и ссылки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.